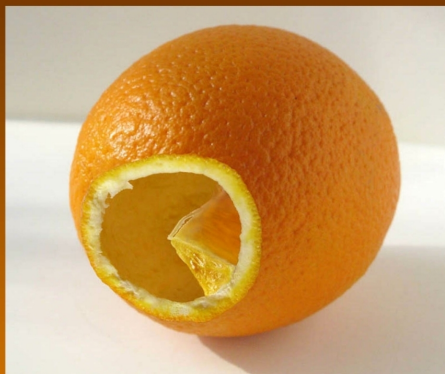

Роман Дудин

АРИФМЕТИКА ДЕМОКРАТИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Александрович Дудин

Арифметика демократии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65051288

SelfPub; 2021

Аннотация

Сатирическая повесть, в аллегорической форме изображающая политические проблемы современного общества. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Как возникло демократическое общество	4
Глава 2. Как общество развивалось	16
Глава 3. Как общество стало правовым	22
Глава 4. Как в обществе состоялась революция	32
Глава 5. Как в обществе произошла гражданская война	41
Глава 6. Как общество ходило на демонстрации	47
Глава 7. Как в обществе появилась оппозиция	56
Глава 8. Как в обществе формировался демократический язык	66
Глава 9. Как в обществе началось обучение	74
Глава 10. Как в обществе продолжилось обучение	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Роман Дудин

Арифметика демократии

Глава 1. Как возникло демократическое общество

Однажды десять обезьян делили десять апельсинов. С арифметикой у них было по-разному, поэтому в решении задачи возникли разногласия. Кто предлагал выдавать каждому по одному, кто по два, а кто и по три, а кто-то ещё и волновался, что лишнее пропадёт. Они спорили, галдели и пытались друг друга переорать, а самая нетерпеливая ходила вокруг, и просила, чтобы ей дали хоть дольку. «Да подожди ты, – отвечали ей, – Вдруг из-за тебя не хватит?», и продолжали спорить.

Одна обезьяна сидела и молчала, а когда спорщики совсем устали, она всем сказала:

– Этот вопрос можно решить только при помощи демократии!

Все удивлённо уставились на неё:

– А что это такое?

– У-у-у, – протянула она, подняв вверх глаза, – Демократия – это великая вещь! Все самые важные вопросы решают-

ся при помощи демократии. Демократия никого не заставляет учиться считать, но при ней всё делается правильно, потому, что при ней все равны в правах и никто не может быть обделён.

– Круто... – обрадовались обезьяны, – А как нам сделать демократию?

– Очень просто! – ответила она, – Я предлагаю вам программу деления апельсинов, а вы за неё голосуете.

– А ты умеешь считать до десяти???) – изумились обезьяны.

– Ка-а-нешно! – протянула она с такой уверенностью, что ни у кого не осталось сомнений в том, что она знает, что делает.

После этого Умеющая Считать до Десяти уселась за составление документа, а остальные стояли и терпеливо ждали. Когда документ был готов, Умеющая Считать до Десяти торжественно зачитала его всем присутствующим. В нём оказалось три пункта:

1. Десять апельсинов должны быть справедливо и поровну разделены между всеми участниками.
2. Каждый участник имеет право на пять штук.
3. Во избежание ошибок осуществлять распределение может быть допущен только тот, кто умеет считать до десяти.

Обезьяны не могли точно сказать, сколько это – пять, так как умели считать только до трёх, но все они точно знали, что пять – это должно быть гораздо лучше, чем три. И когда

они слышали слова «справедливо» и «поровну», у них не осталось сомнений, что пять – это самый лучший вариант.

За принятие Закона проголосовали единогласно и с большим воодушевлением, и значение каждого голоса было учтено наравне со всеми остальными. И ни в чьём отношении не было проявлено ни малейшего принуждения и даже таинство голосования было соблюдено. Прописанные правила в договоре именовались Законом, а вся их компания «Обществом Справедливости и Равенства», и всё остальное было сделано с соответствующей серьёзностью. А после принятия Закона наступил процесс инаугурации Умеющей Считать до Десяти в должность официально уполномоченной производить раздел апельсинов. Она положила руку на лист с Законом, сделала серьёзную рожу, и многозначительно произнесла:

– Вступая в должность официально уполномоченной произвести раздел апельсинов я клянусь во всём следовать Закону, и пусть меня поразит молния, если я от него отступлюсь хоть на шаг!

Всё было сделано настолько солидно, что ни у кого не возникло никаких сомнений в том, что всё должно получиться самым правильным образом. Однако, когда наступила долгожданная делёжка, обезьяны получили какие-то дольки, имеющие мало общего с их представлением о том, что «гораздо лучше, чем три». И тогда они смотрели на свои дольки, и на целые апельсины, которые держала в руках Умеющая

Считать до Десяти, и никак не могли понять, как такое могло получиться.

«А где же тут поровну?» – спрашивали обезьяны себя – «Нет, ну вы посмотрите, что у нас, а что у неё – раз, два, три, ой, ой! А у нас... где хоть один?!», «Да тут даже и считать до десяти не надо уметь, чтобы понять, что она нарушила Закон, которому клялась следовать!» – говорили они про Умеющую Считать до Десяти в третьем лице, но достаточно громко, чтобы она услышала и сделала соответствующие выводы. Однако «выводов» не последовало, и тогда они подошли к ней и сказали:

– Мы обезьяны неграмотные, считать не умеем, но вот нам кажется, что ты неправильно посчитала, и мы должны были получить больше. Отдавай нам всё то, что ты захапала!

– Что значит – кажется? – спросила Умеющая Считать до Десяти с театральным удивлением, – Говорите конкретно и по цифрам, что я не так в отношении Закона сделала. А никакие «кажется» не принимаются: арифметика демократии – наука точная!

– А мы не можем тебе такое сказать – мы же не умеем считать, – ответили обезьяны, – Это ты должна сделать!

– Ну, так вот я и сделала, как должно быть правильно, а если вы считаете, что что-то неправильно, то объясните, как по-вашему должно быть.

Обезьяны оказались в растерянности: такого расклада они не ожидали. Они ждали услышать что-то вроде «Да, призна-

юсь, виновата, всё верну, только не бейте!», или, на худой конец «А вот фигушки вам – я уже всё съела!» (чего, кстати, более всего и опасались), но такой поворот событий поставил их в тупик: и апельсины были на месте, и факт неправильной делёжки вроде как налицо, а права потребовать всё вернуть не оказалось.

Обезьяны стояли в растерянности, разводили руками, строили недоумённые рожи, и смотрели друг на друга. Потом они начали обвинять друг друга в том, что кому-то дали больше, чем другим, а те молчат и делают вид, что тоже недополучили. Раздавались возгласы: «Я точно знаю, что тебе дали больше!» – «А я точно знаю, что тебе!» – «Ты с ней заодно!» – «Нет, ты!», выворачивались карманы, показывались друг другу фиги, а потом все повернулись к Умеющей Считать до Десяти, и сказали:

– Мы точно знаем, что ты взяла себе больше пяти!

– Да с чего это? – ответил она.

– Да с того, что мы получили меньше!

– А я говорю, что взяла ровно пять. Не верите – посчитайте сами.

Обезьяны знали, что правильный ответ должен быть, но не знали, как он правильно должен звучать, а потому издали весьма нетипичный для обезьяны звук, в интонации которого выразили всю суть своего возражения:

– Му-у-у...

Умеющая Считать до Десяти взяла один из своих апель-

синов и начала его чистить.

– Подожди! – закричали они.

– Чего?

– Мы найдём того, кто докажет, что ты взяла больше!

– А если не докажет?

– Вот тогда и будешь есть апельсины.

– Договорились!

После этого часть обезьян отправилась на поиски того, кто умел считать, а часть осталась возле Умеющей Считать до Десяти, чтобы она не вздумала съесть лишние апельсины и сказать потом, что так и было.

Каждую встречную обезьяну ищущие спрашивали, умеет ли она считать до десяти, и наконец встретили ту, которая Умеет Считать до Бесконечности. Они рассказали ей, что одна из участниц Общества присвоила себе больше, чем пять апельсинов, и попросили пойти и посчитать их все, чтобы можно было уличить её в нарушении демократического Закона.

Когда Умеющая Считать до Бесконечности пришла с ними, обезьяны показали на неё Умеющей Считать до Десяти и сказали:

– Вот она умеет считать, и она будет от нашего лица вести с тобой разбирательство – её провести у тебя не получится!

Умеющая считать до Десяти равнодушно показала ей на свои апельсины, и спросила:

– Сколько тут апельсинов?

– Пять, – посчитала Умеющая Считать до Бесконечности.

– Предательство! – закричали сзади обезьяны, – Умеющая Считать до Бесконечности нас продала! Сколько апельсинов ей заплатили?!

Умеющая Считать до Бесконечности удивлённо обернулась:

– Во-первых, никаких апельсинов мне не платили, – ответила она, – А во-вторых, прежде, чем делать такие заявления, надо учиться считать!

– А вот не надо нам указывать, что нам делать! – загалдела толпа, – Ты бы лучше сама делала то, что тебя просили. А что нам надо делать, мы без тебя разберёмся!

– Тогда зачем же вы меня позвали, если лучше меня знаете, что вам делать? – спросила Умеющая Считать до Бесконечности.

– От тебя требовалось разобраться с обманом, а ты этого не можешь!

Умеющая Считать до Бесконечности и взяла в руки лист с Законом, молча прочитала, и спросила Умеющую Считать до Десяти:

– Как же получилось, что у тебя пять, а них ни одного?

– Всё по Закону!

– По какому закону? По которому десять на десять поделить пять будет?!

– А какой ещё должен быть?

– Каждому по одному!

– Это незаконно! У нас тут действует закон, что каждый имеет право на пять! Так что эту тему я даже и обсуждать не хочу.

– А как при твоём законе тут по пять может получиться?

– Вот, пожалуйста! – ответила Умеющая Считать до Десяти и показала на свои апельсины.

– Ну а где тогда тут равенство?

– Вон смотри, – показала Умеющая Считать до Десяти на остальных, – У них у всех тут поровну!

– Ну а где их равенство с твоей долей?

– Имею право на пять – это в Законе прописано!

– Ну так а что же ты каждому тогда по пять не выдала?

– А как это по-твоему ещё можно сделать?

– Ну так а зачем тогда было такой закон принимать?

– А что сразу я то? Они всего его принимали!

– Ну так взялась то исполнять его ты! Вот и исполняй тогда, за что взялась!

– Ну так вот я и исполнила, как сочла правильным.

– А почему ты решила, что правильно именно так?

– У нас прописано, что распределение принимаю я, значит моё распределение и есть самое правильное.

– Ну а при чём здесь тогда «справедливо» и «поровну»?

– Справедливо – значит, каждому должно достаться по столько, сколько он заслуживает. А поровну означает, что между всеми одинаково заслуживающими делим на равные доли.

– И как же ты вычислила, что именно ты заслуживаешь именно столько?

– А кто чего умеет добиваться, тот того и заслуживает.

– А почему неправильно было сначала на равные доли поделить, а потом довольствоваться получившейся справедливостью?

– Нет, извини, тут сначала прописано справедливо, а потом поровну, так что, сначала справедливость, а потом равенство!

– Справедливость будет, когда тебя за такой закон каждому по пять штук заставят выдавать!

– Это где это такое прописано, что я должна каждому по пять апельсинов выдавать?

– А что, из твоего закона иное следует?

– Читай внимательнее: каждый имеет право на пять штук. Ни про какое «должна выдавать» ничего не сказано!

– Так это, оказывается, разные вещи?

– Ка-а-нешно! Обязанность – это обязанность. А право – это возможность воспользоваться полагающимся тебе вещами. А использовать или не использовать свои возможности – личное дело каждого.

– И как же при таком законе все смогут воспользоваться таким правом?

– А вот ты сначала сделай, чтобы все захотели, а потом спрашивай!

– Да вот же тебе толпа желающих!

– От желания в этом мире ничего не происходит. Чтобы реализовать свои права, нужны ходатайства. Вот пусть сначала предоставят схему, как и что перераспределять надо, вот тогда и поговорим!

– Ясно... – сказала Умеющая Считать до Бесконечности, и повернулась к остальным.

– Ну так я получу свои пять апельсинов? – спросила Самая Нетерпеливая.

– Вам нужно учиться считать, прежде, чем принимать законы...

Толпа загалдела:

– Ну зачем это всё надо? Ну ведь ясно же прописано: справедливо и поровну! Ну ведь видно же, что несправедливо и не поровну! Ну почему нельзя просто забрать у неё лишнее, и выдать нам наши пять апельсинов? Ну как можно уметь считать, и не мочь доказать то, что видно и без всякого счёта? Ну какая же ты умеющая считать после этого? И зачем нам тогда нужна эта твоя бесконечная арифметика, если она для этого не годна!?

– Нет, по пять не получится никак, – удалось вставить слово Умеющей Считать до Бесконечности, – Получится только по одному, и только в том случае, если вы будете слушать, что я говорю...

– У-у-у, всё с тобой ясно! – продолжился галдёж, – Ты не собираешься нам возвращать апельсины, а собираешься только издеваться над нами. Не можешь вернуть нам того,

чего обещала, а мы ещё и твои прихоти выполнять должны! Не умеешь считать – так и скажи! – кричали обезьяны, и было абсолютно не слышно, что говорит Умеющая Считать до Бесконечности.

– А, ну тогда ищите себе того, кто вам каждому по пять апельсинов выдаст! – махнула Умеющая Считать до Бесконечности и пошла прочь.

Умеющая Считать до Десяти довольно ухмылялась и уминала свои апельсины, а толпа роптала: «Ну всё же так просто – взяла, доказала, что эта себе больше пяти, отняла у неё лишнее, и нам отдала! Нет – балаболит-балаболит, и в итоге ничего не делает!» – «А эта наша – лучше, что ли?» – «Да они обе считать не умеют!» – «Ну не умеешь ты – так не берись делить! Нет, надо взяться, за то, что не могут, и всё испортить!» – «Презираю её!» – «Вот меня бы выбрали, я бы всем поровну дала – мне пять, тебе пять, тебе пять, ему пять, всем пять! А они нет, они вот эту выбрали...» – «Вот если бы я умела считать, я бы порядок навела быстро...».

Так участники общества Справедливости и Равенства столкнулись с ситуацией, когда в Законе всё написано правильно и хорошо, а на деле получается плохо и неправильно, несмотря на то, что всё делается в соответствии с Законом. И куда делись недополученные ими апельсины, вопрос так и остался не выясненным, несмотря на серьёзный настрой участников докопаться до правды. Так закончилась история, которая была всего лишь началом весьма необычных для ко-

го-то событий, а кому-то уже напоминающих что-то знакомое.

Глава 2. Как общество развивалось

Однажды обезьянам потребовалось делить апельсины опять. Только на сей раз апельсинов было не десять, а сто, и обезьян было ровно столько же. И умеющей считать до ста была только одна, и ещё девять могли кое-как тридцати, а оставшиеся девяносто всё так же умели считать только до трёх, как и в прошлой истории.

Умеющая Считать до Ста достала лист с законопроектом и начала зачитывать:

1. Апельсины должны быть поделены между всеми справедливо и поровну.
2. Каждая обезьяна имеет право на пять штук.
3. Во избежание ошибок и в целях контроля за честностью к процессу деления привлекаются все умеющие считать в меру их способностей.
4. Умеющая Считать до Ста разделяет всех на группы по десять обезьян, и над каждой ставит по одной из Умеющих считать до Тридцати.
5. Каждой группе Умеющая Считать до Ста раздаёт её долю, а каждая из Умеющих Считать до Тридцати распределяет её внутри своей группы.
6. Каждая группа имеет право на пятьдесят.
7. Внутри своей группы Умеющая Считать до Ста разделяет сама.

Закон назывался Законом, общество называлось Обществом Справедливости и Равенства, и всё остальное было сделано с соответствующей серьёзностью.

Последовали аплодисменты, а после поднятые вверх руки, а затем был процесс подписывания документа, и процесс инаугурации Умеющей Считать до Ста в должность Главной Уполномоченной Проводить Раздел Апельсинов. Она положила руку на лист за Законом и поклялась ему строго следовать.

В этот момент мимо проходила Умеющая Считать до Бесконечности. Усмехнувшись, она спросила:

– А, вы и в этот раз принимаете законы, так и не научившись считать?

– Нам не надо учиться считать, потому, что теперь нас не обманут! – ответили ей.

– Да неужели?

– У нас в этот раз всё по-другому будет!

– И с чего бы это??

– Вон, видишь, у нас другая уполномоченная делить и сам Закон другой. Да и сколько обезьян выбрано для разделения – уж они-то точно проследят, чтобы всё было по Закону!

– Ну-ну, – сказала Умеющая Считать до Бесконечности, и пошла дальше.

Когда произошло распределение, в распоряжении Умеющей Считать до Ста стало пятьдесят апельсинов. А у каждой из умеющих считать до тридцати по пять с дольками. Они

смотрели на свои апельсины, на её апельсины, и недоумённо пожимали плечами, оглядываясь друг на друга в поисках ответа, как такое могло получиться.

Сначала умеющие считать до тридцати между собой поискали тех, кому дали больше, но никого найти не удалось. Потом они попытались разобраться с Умеющей Считать до Ста, но и это не дало желаемого результата. И тогда они с отчаяния побежали догонять Умеющую Считать до Бесконечности, но были посланы ей обратно.

Умеющие считать до тридцати стояли в растерянности. Закреплённая за каждой группа вопрошающе смотрела на свою распределяющую, а они сами смотрели друг на друга. Наконец одна из них взяла и разделила пять своих апельсинов на десять равных частей. Её обезьяны посмотрели на свои дольки, и накинулись на неё с претензиями:

– Ты нас всех обманула, и присвоила себе лишнее! В Законе прописано право каждого на пять, а у нас – где хоть один?!

– Лично я себе ничего лишнего не брала, – стала оправдываться она, – А если кто-то всех обманул, то это был кто-то другой! – Оправдывалась она.

– Значит, ты виновата в том, что плохо считаешь, и не проследила!

– Но вы ещё хуже считаете – тогда почему вы не виноваты?

– Нет, извини, назначили тебя, значит, ты и ответственна за всё!

– Нет, я ответственна только за то, на что меня назначили, а здесь я всё сделала, как полагается!

– Тогда ищи того, кто сделал не как полагается, и разбирайся с ним!

– Но для этого надо считать до ста, а я этого не умею...

– Ну так учись и приступай к своим обязанностям!

– Нет, почему тогда я должна, а вы нет? Давайте тогда все учиться считать и вместе тогда будем искать!

Последовала пауза. Обезьяны задумчиво молчали и смотрели друг на друга. Наконец одна из них сказала:

– Нет, нам всё-таки кажется, что это ты нас всех обманула!

– Да, давай возвращай нам всё то, что ты себе присвоила, – подхватили другие, – или будем тебя бить!

Последовала напряжённая пауза, на протяжении которой Первая Умеющая Считать до Тридцати сосредоточенно молчала, и наконец отчаянно высказала:

– Хорошо, можете меня бить, но только после того, как докажете, что вас обманула именно я! Так что учитесь считать и приступайте...

– Вообще-то, бить обезьяну антигуманно, – вдруг решили её согруппницы, переглянувшись, и, махнув рукой, занялись поеданием своих долек.

Всё это время за ними пристально наблюдали остальные умеющие считать до тридцати, которые так и не начинали до сих пор деление. После этого одна из них повернулась к своей группе, и сказала:

– По Закону каждый имеет право на пять. Вот я взяла свои пять. Если у кого есть возражения – доказывайте, что я взяла больше.

– Му-у-у... – вырвалось у её согруппниц.

Вторая Умеющая считать до Тридцати взяла один из своих апельсинов и начала его чистить.

– Подожди! – закричали остальные.

– Чего?

– Скажи, кто же тогда нас обманул? – Спросили её согруппники.

– Не знаю, может, Умеющая Считать до Ста?

– Ну так пойдя, разберись с ней!

– А где это в Законе мне предписывается такая обязанность?

– Но это же нельзя так оставлять – мы же не можем быть совсем без апельсинов!

– Тогда учитеесь считать и идите к ней – какие проблемы?

– Пожалуйста... – взмолились обезьяны, – не будь такой жестокой!

– Ладно, – сказала Умеющая Считать до Тридцати, – сделаю вам одолжение, дам каждому из своей личной доли, но только в силу моей чрезмерной доброты, и при условии, что вы будете себя хорошо вести...

– Да, да, мы будем хорошо себя вести! – слышались заверения заискивающим тоном.

– ... для этого вы должны сказать: «Да здравствует добро-

та нашей Умеющей Считать до Тридцати!».

– Да здравствует доброта нашей Умеющей Считать до Тридцати! – кричала каждая из обезьян в группе во весь голос, и получала за это дольку.

Те, кто кричали активнее всех, получали по две дольки, а самая активная получила три. Под эту песню происходило всеобщее деление. Умеющие считать до трёх получили дольки, а умеющие считать до тридцати целые апельсины. И пока звучали демократические кричали, разделяющие жонглировали ими перед лицом той, которая разделила поровну свои пять. Так элита Общества Справедливости и Равенства в процессе строительства демократических ценностей пришла к обычаям, что апельсинов должно быть в руках жонглирующего им как можно больше, а акустическое сопровождение как можно громче.

Глава 3. Как общество стало правовым

Однажды обезьянам снова потребовалось разделить апельсины. И снова обезьян было сто, и апельсинов тоже было тоже сто, только состав общества был чуть-чуть другой. На этот раз в него попала Умеющая Считать до Бесконечности, и ей тоже пришлось участвовать в делении.

Потребовалось снова провести голосование, и по этому случаю Умеющая Считать до Ста переработала Закон общества Справедливости и Равенства. Закон был (по заявлению Умеющей Считать до Ста) существенно улучшен, и его принятие должно было вывести условия существования в Обществе на новый качественный уровень. Отличия же были в том, что у участников Общества появлялись официально признаваемые за ними права, а Общество именовалось не иначе, как правовое.

В чём заключается суть прав, которых у участников общества раньше не было, умеющие считать до трёх обезьяны толком объяснить не могли, но они точно знали, что права – это очень хорошо, и потому возлагали на новый Закон большие надежды. Ходило даже настроение, что теперь всё должно быть совсем по-другому, потому, что теперь у них есть права. «Не, ну действительно, как можно было жить без

прав, и думать, что при этом апельсины могут быть разделены справедливо и поровну!» – рассуждали обезьяны, и с нетерпением ждали перемен.

Сам же Закон звучал так:

1. В нашем обществе все равны в правах, и в свободе выбора, и никто не может быть заставлен обучаться счёту принудительно.

2. Все апельсины должны быть справедливо и поровну разделены между всеми, не зависимо от того, умеют они считать или нет.

3. Каждый участник Общества имеет право на пять апельсинов.

Далее шли другие пункты, полностью повторяющие содержание Закона из прошлой истории, а в конце последним пунктом шло ещё положение, что все последующие деления должны проходить по принимаемому Закону один раз и навсегда.

Закон назывался Законом, общество теперь называлось правовым Обществом Справедливости и Равенства, и всё остальное было сделано с соответствующей серьёзностью. Тут выла вперёд Умеющая Считать до Бесконечности и сказала:

– Нельзя позволять принимать законы о делении апельсинов тем, кто не умеет считать!

– Можно, потому, что в этот раз нас точно не обманут! – ответили умеющие считать до трёх обезьяны.

– А вы и раньше так говорили!

– Нас этот раз не обманут, потому, что наши права и свободы теперь гарантированы Законом!

– Как они могут быть гарантированы, если в нём заложена вся та же схема обчёта?

– Какая схема обчёта? Что за непонятные вещи ты говоришь?

– Схема обмана в том, что вам обещают по пять апельсинов, когда сто нельзя поделить на сто иначе, чем, чтобы каждому достался всего один!

– Ну, это твоё личное мнение, а мы вот считаем, что может, если только делящие будут честными. А то, что ты говоришь, ещё не доказано!

– Что значит – не доказано, когда все доказательства уже расписаны и приведены, и ждут, когда вы им соизволите удостоить внимание?

– Мы не можем их понять, так как считать не умеем...

– Ну так учитесь!

– А нам кажется, что если мы научимся считать, то выяснится, что все твои доказательства не обоснованы! А ради только этого напрягаться мы не хотим.

– Так вы или научитесь и заявляете что-то, или не учитесь и не заявляйте!

– Нет извини, чтобы учиться считать, нам нужно потратить время и силы, а если окажется, что это было зря, то нам это не нужно!

– А если вы не научитесь считать, и примете закон, из-за которой не только вы, но и я вместе с вами пострадаю, то это не нужно мне!

– А мы считаем, что первая опасность перевешивает вторую!

– Да вы сначала считать научитесь, потом считайте!

– Ну мы же тебе уже объяснили: мы не обязаны учиться считать, потому, что из-за этого могут пострадать наши права!

– Тогда я не обязана позволять вам принимать решение, из-за которого пострадают мои права! Если вам нравится давать себя обманывать, пожалуйста: не учитесь считать, и получайте то, что получается. Только меня не надо только в эту схему включать. Мне оставьте мой один, а свои можете делить, как угодно. Хоть все сто Умеющей Считать до Ста можете отдать, а себе одни корки оставить.

– Нет, извини, – ответили умеющий считать до трёх обезьяны, – с чего это мы должны делать так, как говоришь ты? Другие вот по-другому говорят, и их, знаешь ли, больше, и мы верим им, а не тебе!

– Да, – сказала Умеющая Считать до Ста, – Суть демократии в том, что все должны делать то, что считает правильным большинство. А если каждый несогласный будет требовать для себя особых условий, то и никакой демократии не получится. И тогда будет один хаос и беспорядок, и никакого распределения апельсинов не будет вообще!

– Да! – закричали остальные, – Слова Умеющей Считать до Тысячи им показались исчерпывающе обоснованными.

– Суть демократии должна быть в том, что вес мнения большинства не может перевесить правду! – ответила Умеющая Считать до Бесконечности.

– Нет, извини, у тебя своё мнение, а у нас своё, – возразила Умеющая Считать до Ста, – Ты считаешь наше мнение неправильным, а мы твоё. И каждый имеет право на своё мнение. И если ты хочешь, чтобы считались с твоим мнением, то ты изволь считаться с чужим тоже. И поскольку так уже получилось, что ты одна, а нас много, то считаться ты должна с мнением каждого. И когда каждому ты отдашь столько, сколько требуешь для себя, тогда и будут все равны. Поэтому не надо ставить себя выше других, и заявлять, что ты имеешь больше прав!

– Да! – закричали остальные, – Вот это настоящее равенство, вот это настоящая справедливость!

– ... а мысль о том, что может быть другой правильный расчёт, – продолжила Умеющая Считать до Ста, – Недопустима и кощунственна, потому, что двух истин быть не может, и арифметика для всех одна. А если каким путём и можно прийти к истине, то только посредством демократии, ибо все остальные ведут к хаосу, беспорядку и диктатуре тех, кто ставит себя выше остальных! И в целях защиты нашей возможности построить порядок мы имеем право пожертвовать твоим правом на твоё единоличное мнение, ибо только на

это ми может держаться настоящая демократия! – закончила свою речь Умеющая Считать до Ста.

Умеющая Считать до Бесконечности попыталась что-то возражать, но поднявшийся шквал поучений полностью заглушил её слова. Каждой умеющей считать до трёх обезьяне хотелось высказать то, что у неё накипело. И не слушая, что говорит Умеющая Считать до Бесконечности, обезьяны с умным видом высказывали ей всё, что они про неё думают. А Самая Озорная строила гримасы и передразнивающим тоном говорила: «Бе-бе-бе!», затыкая уши пальцами.

В воздухе царило эмоциональное возбуждение и воодушевление. Обезьяны прыгали, хлопали в ладоши, и ликовали по случаю того, что у них будет порядок, дающий каждой по пять апельсинов, и что никакие происки Умеющей Считать до Бесконечности этому не помешают. Её больше никто не слушал, и взять ей свою долю никто не давал. А когда же происходило голосование, ей предоставили возможность голосовать наравне со всеми, чтобы не смела потом выступать по поводу того, что её обделили в правах.

Когда новый Закон девяносто девятью голосами против одного был принят, последовал процесс подписывания документа, затем процедура инаугурации Умеющей Считать до Ста, а после наступила долгожданная процедура деления, в результате которой все получили то, чего так хотели.

Когда каждый, наконец, получил то, что ему полагается по праву, то для кого-то это оказались десятки апельсинов,

для кого-то просто апельсины, для кого-то дольки, кому-то всего одна долька, а ещё кое-кому пришлось делить между собой одну дольку на нескольких.

Последний процесс был настолько щепетильный, что каждый напрягал, как мог, все свои силы, чтобы не дать обделить себя ни на микрон. Возмущённое «Му-у-у!» раздавалось то тут, то там, и прения шли полным ходом.

Для каждого было делом принципа отстоять вещь, которая была не только вкусной и полезной, но и несущей в себе что-то особенное, что они точно не могли сформулировать, но Умеющая Считать до Бесконечности назвала отражением ЧСВ. И это самое ЧСВ в каждой капельке апельсинового сока они уже ощущали всей своей формирующейся демократической сущностью.

Поскольку деления по описанной схеме впоследствии стали повторяться, у некоторых собственников стали накапливаться апельсины, которые протухали раньше, чем их успевали съесть, и появилось проблема, куда их девать. Апельсиновые богачи стали кидаться ими друг в друга, играть ими в футбол, использовать в качестве мишеней, и придумывать другие способы их использования не по прямому назначению. Все вместе эти развлечения получили название апельсинобол.

Расточительное отношение к апельсинам многим казалось глупым, но что же поделать – ведь апельсины принадлежали им по праву, а в правовом обществе собственники име-

ли право распоряжаться принадлежащими им вещами, как им заблагорассудится. К тому же само использование апельсинов способом, который могли себе позволить лишь немногие, имело отношение к тому самому ЧСВ, и потому сторонники этих игр говорили про своих критиков, что они не понимают самого главного.

В последствии апельсины стали использоваться в качестве взаиморасчётов между имеющими их, но самое главное их применение нашлось в оплате деятельности желающих их заработать. Деятельность заключалась во всяких смешных трюках, которые желающие заработать должны были проделать, чтобы веселить их, и каждый желающий быть развеселённым ставил свои условия.

Умеющие считать до трёх обезьяны на что только не готовы были, чтобы получить заветный кусочек апельсина: на всякие смешные ужимки, рожи, позы, движения. Но только что бы они не выделявали, через некоторое время их трюки надоедали заказчикам, и те требовали новых номеров. И в поисках новых решений, многие начинали проделывать вещи, на которые раньше бы их было ни за что не заставить, но теперь было всё иначе: за это платили дольки, а дольки были теперь в обществе Справедливости и Равенства выражением ЧСВ.

Трюки, которые приходилось многим проделывать, многим казались унижительными, но что было поделывать: в правовом обществе никого насильно не заставляли, а если кто-

то сам готов был на что-то добровольно – это было его личное дело, в которое лезть никто права не имел. А что касается Умеющей Считать до Бесконечности, то она придумывала иногда достаточно остроумные программы, за право исполнять которые ей платили авторские гонорары желающие заработать, и таким образом она получала свой доход. В законном делении она участия не принимала и оставляла за себя разделять свою долю между другими.

Благодаря всему вышеописанному каждый, кому не хватало той доли, которая ему доставалась по Закону, мог пойти и заработать столько, сколько ему не хватает. И когда кто-то возмущался, что не удовлетворён своими правами и свободами, ему отвечали: «Иди и работай, кто тебе мешает? А если не хочешь, то сиди отдыхай, и не ной!». И если кому-то что-то казалось унижительным, то это было его личное мнение, а навязывать своё мнение в демократическом обществе никто никому не имеет права.

Каждый раз, когда происходил очередной делёж стапельсинов, доли каждого разделялись в соответствии с принятым Законом. И однажды к занимающимся очередной делёжкой апельсиновой дольки толпе подошла Умеющая Считать до Бесконечности и сказала:

– Если вам так важно то, за что вы тут боретесь, то, что же вы меня проигнорировали, когда я предлагала вам гораздо больше гораздо меньшими усилиями? Почему вы не послушали меня, когда я предлагала вам учиться считать?

В ответ последовали реплики: «О чём ты говоришь – мы тебя не понимаем!», «Уйди, не видишь – нам некогда?!», «Можешь высказывать тут, что хочешь, а мы имеем право тебя не слушать!», «Ты не имеешь права указывать нам, на что мы должны тратить своё время и силы!», «Руки прочь от наших демократических прав и свобод!». И, когда сказавший последнюю фразу её произнёс, все остальные из его компании вдруг почувствовали за собой силу правовой системы общества, готовой всей своей мощью встать на защиту их прав, по одному только требованию любого из них. И, ощущая себя частью этой силы, готовой действовать в своих интересах, и будучи наделённым полномочиями представлять её, и даже говорить от её лица в определённых случаях, они почувствовали такой прилив ЧСВ, который компенсировал им ту недостачу, которую они ощутили при дележке дольки. Так участники Общества Справедливости и Равенства прониклись всей глубиной идеи правового Общества, а день принятия Закона Умеющая Считать до Ста объявила общественным праздником и отмечала его каждый раз с особой пышностью.

Глава 4. Как в обществе состоялась революция

Однажды вдруг выяснилось, что участников общества обманывают, и что терпеть это дальше нельзя. И, как оказалось, они всегда об этом знали, просто никак не находилось того, кто бы наконец сказал об этом вслух. И вот наконец нашлась такая обезьяна, которая озвучила то, о чём все думают, и все сразу поняли, что надо делать. А дело было так.

С того самого момента, как Общество Справедливости и Равенства стало правовым, Умеющая Считать до Бесконечности постоянно ходила и говорила всем, что их обманывают. Ей отвечали: «А мы знаем – тоже мне, новость!», и отворачивались. «Ну так я хочу это изменить!» – продолжала она – «Ты ничего не изменишь!» – говорили ей, и она гадала: толи они хотят сказать, что знают что-то такое, чего она не знает, толи предупреждают, что не позволят ей что-либо изменить.

«Вы думаете, что знаете, как вас обманывают, а вас обманывают так, как вы не знаете!» – говорила Умеющая Считать до Бесконечности – «И чего же мы такого не знаем?» – спрашивали её. «Вы думаете, что не виноваты в том, что вас обманывают, а на самом деле вы виноваты и обязаны исправляться!» – «И в чём же мы виноваты?» – «Вы виноваты в

том, что не умеете считать!» – говорила она. «Бе-бе-бе!» – отвечали ей, и отворачивались, зажимая уши пальцами.

«Учиться считать не так и сложно...» – пробовала начинать Умеющая Считать до Бесконечности, – «Вот смотрите: раз-два-три-четы...» – «Что ты такое несёшь, сложное, непонятное, и никому не нужное? – перебивали её, – Можешь коротко объяснить, чего ты от нас хочешь?» – «Я хочу, чтобы вы поняли, как вас обманывают!» – «Да это мы и без тебя знаем: один обман кругом – вот как нас обманывают!» – отвечали ей и отворачивались. И так Умеющая Считать до Бесконечности и ходила от одних обезьян к другим до бесконечности, не находя выхода из этого круга и будучи не в силах что-то изменить. Но однажды нашлась такая обезьяна, которая изменила всё. И самое главное, для этого ей даже не пришлось никого учить считать.

Поскольку деление апельсинов регулярно происходило в соответствии с принятым Законом уже достаточно давно, состав Общества постепенно менялся: на места старых участников появлялись новые, среди которых были умеющие считать до тридцати, и даже до пятидесяти, но не на всех хватало должностей помощников делителей апельсинов. И тогда некоторые из них тоже пытались что-то объяснить окружающим, но результат был тот же, что и у Умеющей Считать до Бесконечности. Но когда в обществе появилась ещё одна обезьяна, умеющая считать до ста, она сумела добиться того, что все стали её слушать.

Новая Умеющая Считать до Ста вскочила на пустой лоток из-под апельсинов и сказала:

– Товарищи, доколе можно это терпеть? Нам всем обещают по пять апельсинов, а приходится делить между собой одну маленькую дольку! Неужели вы собираетесь всё время позволять над собой издеваться? Этому решительно нужно положить конец, и я знаю, как это сделать!

Все отложили свои дела и повернулись к Новой Умеющей Считать до Ста.

– Товарищи! Вы знаете, почему так происходит? – продолжила свою речь Новая Умеющая Считать до Ста, – Виноваты не вы! Нет! Виноват Закон – он у нас неправильный! В нём заложено такое право, которое складно звучит, да на деле не осуществляется! Нам же нужен такой закон, который будет осуществляться не только на бумаге, но и в жизни!

Все, открыв рты, внимательно слушали новую Умеющую Считать до Ста. Умеющая Считать до Бесконечности тоже смотрела на неё с интересом, правда, без открытого рта, и ждала, что та будет говорить дальше.

– Товарищи, – продолжала вещать Новая Умеющая Считать до Ста, – всё элементарно просто: нам нужен Закон, в котором будет прописано не «каждый имеет право на пять апельсинов», а «каждому должны выдать по пять апельсинов»!

Тут рот открылся от удивления у Умеющей Считать до Бесконечности, но в этот момент её толкнула под локоть сто-

ящая рядом обезьяна. И сказала:

– Вот, учись, как надо объяснять – всё просто и понятно. Не то, что ты про арифметику толкаешь никому не нужную...

Умеющая Считать до Бесконечности стала что-то отвечать, но тут её заглушил рёв толпы «Ура!!!», и восторженные овации, адресованные выступающей. А когда же шум стал утихать, новая Умеющая Считать до Ста продолжила:

– ... и если законопослушание нужно только для того, чтобы вы не могли получить причитающееся, то к чёрту такое законопослушание! И к чёрту такой закон, ибо в этом случае мы должны пойти и взять силой вопреки его положениям то, что нам полагается по праву! Мы свергнем всё то, что нам мешает, а после этого мы вернём Закон на место, и поставим на нужные места тех, кто будет следовать его положениям без злоупотребления! – Закончила свою речь Новая Умеющая Считать до Ста, и была подхвачена на руки под шум топы, подкидывающей её и скандирующей её имя.

Поскольку ни одна нормальная революция не обходится без манифеста, вождём восстания был прикреплён на доску Революционный Манифест, который кратко и популярно объяснял новую идеологию, а заодно и программу действий дальнейших действий. Манифест повторял все пункты, содержащиеся в существующем Законе, за исключением одного: Фраза «Каждый имеет право на пять апельсинов» была вычеркнута и сверху написано: «Каждому должны выдать по

пять апельсинов!».

Новая фраза была выделена ярким маркером, а слово «выдать» было написано жирным капсом и подчёркнуто с прибавлением сбоку трёх восклицательных знаков.

Тут наконец Умеющей Считать до Бесконечности удалось вставить своё слово:

– Подождите! Если вы не научитесь считать, и будете действовать, то результат будет тот же!

– С чего это ты взяла? – спросили её участники революционного движения.

– С того, что вас опять обманывают!

– С чего нашему вождю нас обманывать? – спросили её, – Это прежняя власть была обманщиками, а если наш вождь идёт против обманщиков, значит, она за правду! Тогда как же она может нас обмануть, если она против обмана?

Умеющая Считать до Бесконечности схватилась руками за голову, однако, поняв, что толку от этого мало, она быстро написала и прикрепила на доску другой Манифест. Первым пунктом его было: «Все должны научиться считать, прежде, чем предпринимать какие-либо действия, связанные с арифметикой». Что было в других пунктах, никто не знает, ибо читать его не стали, так как выработали привычку после слова «считать» отворачиваться. Вместо этого все стали слушать Новую Умеющую Считать до Ста, слова которой были, как всегда, лаконичны, харизматичны, и, самое главное, понятны:

– Неужели хоть одна разумная обезьяна захочет пойти за этим демагогом, – тут она указала пальцем на Умеющую Считать, – которая требует непонятно чего и зачем? Неужели непонятно, что если она за столько времени со своим учением ничего не смогла добиться, то её учение никому не нужно? Так что, если кто считает правильным сидеть, и разглагольствовать, вместо того, чтобы действовать, может оставаться с ней, и учиться у неё, чему хочет, хоть до бесконечности! Мы же пойдём делать дело с теми, кто реально хочет реально чего-то изменить, и наше дело правое!

Революционеры посмотрели на Новую Умеющую Считать до Ста, на Умеющую Считать до Бесконечности, и пошли за Новой Умеющей Считать до Ста.

– Почему никто не хочет научиться правильно делить апельсины? – закричала им вслед Умеющая Считать до Бесконечности.

– Зачем учиться делить по твоей системе, если всё уже будет поделено по другой? – бросила ей через плечо какая-то обезьяна, и побежала догонять остальных.

Когда борцы за справедливость добрались до Умеющей Считать до Ста с её приспешниками, они стали хватить все апельсины. Сначала держатели закромов не хотели отдавать свои богатства, но получив по мордам, быстро передумывали, и соглашались. А некоторые из них, сообразив, что сопротивляться бесполезно, сами уже, не дожидаясь своей очереди, выворачивали карманы, и выкладывали свои богат-

ства, чтобы самим остаться целыми. Некоторые же помощников Умеющей Считать до Ста умудрились бросить свои должности, и влиться в ряды нового движения, объясняя всё тем, что они давно хотели его свержения, просто ждали подходящего случая.

В пылу экспроприации некоторая часть апельсинов была растоптана, ещё какая-то часть куда-то потеряна, но какая-то всё же отнята. Всё то, что удалось забрать, было собрано и сложено в кучу, ожидая процесса правильного деления. Производить деление вызвалась целая куча энтузиастов, готовых встать на места, занимаемые ранее узурпаторами и коррупционерами. Среди них были выбраны наиболее достойные и отличившиеся в революционном деле, после чего деление началось.

Когда деление состоялось, все снова недополучили ожидаемого, что было объяснено тем, что слишком много апельсинов было потеряно. Верящие в светлое будущее с пониманием покивали головами и разошлись. Однако, при следующем делении они снова недополучили ожидаемого, хоть на сей раз и не на что было списать нехватку. И поскольку отвертеться от революционной ответственности было уже нельзя, виноватыми были объявлены неграмотные назначенные делить десятки, которых побили, и они признались, что не умеют нормально считать, и потому признали себя виноватыми. На следующий раз назначенными были другие энтузиасты, но и с ними получилось то же самое. Их снова

побили, и они во всём признались. И так продолжалось до тех пор, пока не настал момент, когда никто уже не захотел становиться добровольцем. И тогда появилась Ещё Одна Умеющая Считать до Ста, которая популярно объяснила, кто истинный обманщик. Так состоялась новая революция, в результате которой Прежняя Умеющая Считать до Ста была свержена и её власть передана более достойной обезьяне. Однако и та на своём месте не смогла внести существенных улучшений в ситуацию. Затем революции были ещё и ещё, но и они не смогли что-то существенное изменить в этом плане. И каждый раз, когда обезьяны устраивали очередную революцию, они были уверены, что в этот раз всё непременно получится (потому, что не может быть такого, чтобы столько раз подряд ничего не получалось) но каждый раз всё неизменно снова возвращалось на круги своя. И каждый раз революционеры в конце расправлялись со своими сора́тниками.

По мере того, как каждая попытка построить лучшую жизнь приносила новые разочарования, сторонников революций становилось всё меньше и меньше. И когда последних стало меньше половины, революции постепенно прекратились. Так опытным путём было установлено, что вопреки всем теориям, на практике революция не приводит к общепризнанным улучшениям. Однако, революционный дух продолжал жить во многих нежелающих мириться с неравенством борцах за всеобщую справедливость, и каждый раз,

когда они снова сталкивались с неравенством при делении, они вспоминали про революцию, и ворчали, что её давно не было.

По вопросу, принесла ли Революция пользу, однозначно мнения в обществе так и не сложилось: одни говорили, что бывшие обманщики получили по заслугам и это неоспоримый плюс. Другие же возражали, что в результате неё появились новые, а это минус. При этом, плюсы видели всегда почему-то именно те, кто в результате её прихода оказался ближе к распределению, те, кто наоборот, блатные места потеряли, видели в первую очередь минусы. Споры по этому вопросу обычно велись бесконечности, либо до того момента, пока не появлялась Умеющая Считать до Бесконечности, которая говорила, что всем надо учиться считать. Ей отвечали: «Не сейчас, давай как-нибудь потом, а то сейчас нам некогда... И вообще, отстань от нас, мы и так знаем, всё, что нужно!», и отворачивались. Ну а про революцию при поддержке властей в народе звучала песня «Старые уже наелись, а новые придут голодные...».

Глава 5. Как в обществе произошла гражданская война

Когда тема революций в обществе Справедливости и Равенства стала совсем не популярной, нежелающие мириться с несправедливостью и неравенством стали искать новые пути решения проблемы. И однажды одна особо активная обезьяна заявила:

– Мы думали, что всё дело во властях, но, как показала история, это не так. Дело в нас. Мы сами виноваты в том, что не имеем полагающихся нам апельсинов.

Все равнодушные к судьбе общества с интересом к ней повернулись. Больше всего интереса проявила Умеющая Считать до Бесконечности.

– Нас обкрадывает не власть, – продолжила вещать новый оратор, – нас обкрадывают наши товарищи. Просто кому-то даётся больше, а потому другие получают меньше.

– Дело не в этом! – вставила своё слово Умеющая Считать до Бесконечности. – Просто Вы не умеете считать, и из-за этого всё получается не так, как вы ожидаете.

– И чего же мы такого по-твоему, не знаем? – раздражённо спросили её.

– Дело в том, что вы думаете, что сто поделить на сто будет пять, меж тем, как это совсем не так. Вот смотрите – идёт

счёт: раз, два, три...

– Что ты такое говоришь – непонятное, нудное? – загалдели участники общества, – Кому нужны твои объяснения, когда всё просто и понятно объяснили: если лично я недополучаю, значит, кто-то получает больше!

– Да! – закричала толпа, – не добавляй энтропии своей демагогией!

– А, ну слушайте тогда друг друга, – ответила Умеющая Считать до Бесконечности, – посмотрим, что у вас получится.

Обезьяны стали демонстративно выворачивать карманы и показывать друг другу, что у них в них нет.

– Вот видите – у меня ничего нет! – кричала каждая, – а теперь осталось найти тех, у кого есть!

Поскольку среди каждой из сидящих рядом на ветках была хорошо видна такая же пустота, все стали требовать у соседей, чтобы они рассказали, что там видно у тех, кто сидел дальше. Но со всех сторон приходили пересказы, что там такой же голяк.

– Да не может такого быть! – возмущались обезьяны – перепроверьте ещё раз! Лишние апельсины никуда не могут деться!

Обезьяны выполняли перепроверки снова, но результат неизменно оказывался одинаковым: выявить тех, кому дали больше, не удавалось. Тогда они стали обвинять друг друга в том, что кто-то неверно передаёт информацию. Появились

подозрения, что кто-то подкуплен и потому покрывает виновников. И сидящие с одной стороны, обвиняли сидящих с другой в сокрытии лишнего, а те так же обвиняли их. В конечном итоге общество разбилось на два лагеря: тех, кто был южнее, и кто был севернее, а оказавшиеся посередине поколебались и в конечном итоге примкнули каждый к какой-то стороне.

Так общество разбилось на два воинственно настроенных по отношению друг к другу лагеря, решительно настроенных доказать силой друг другу то, что кто-то не хочет понимать по-хорошему. Стороны получили названия «Демократический Красный Север» и «Белый Демократический Юг», и на флаге первых был нарисован компас с одной единственной стрелкой красного цвета, указывающей на север, а на флаге других такой же с белой, указывающей на юг.

Тут своё слово попыталась вставить Умеющая Считать до Бесконечности:

– Послушайте. Вы ничего этим не добьётесь. Я вам говорила это про ваши выходки с революцией, но вы меня не послушали, говорю и сейчас про гражданскую войну, которую вы тут затеваете. Почему вы не учитесь на своих ошибках?

Однако, говорить, обращаясь к сторонам, стоявшим по разные стороны, было не удобно, поэтому Умеющая Считать сначала повернулась к бело-южным:

– Ваши нападки на другую сторону не более обоснованы, чем их нападки на вашу. Вам всем надо действовать по-дру-

гому...

Тут её перебила самая решительная:

– Ты не виляй, а прямо скажи: ты за кого вообще?

– Что значит – за кого? Я за адекватность. Я против вашей общей затеи вообще...

– Нет, извини, мы такого не понимаем! – ответили ей. Если ты не за нас, значит, ты за них. А если за них, то и не хрен тебя слушать! – ответили ей.

Поднялся галдёж с вопросами, сколько Умеющей Считать до Бесконечности заплатили апельсинов, чтобы она борцов за правое дело с толку сбивала, и было не разобрать ни слова из того, что она пыталась говорить. Поэтому она отвернулась от бело-южных, и повернулась к красно-северным:

– Ваши нападки на другую сторону не более обоснованы, чем их нападки на вашу...

– А ты за кого? За красно-север или за бело-юг? – спросили её.

– Да не за кого я!

– Врёшь! – ответили ей, – Если ты не снами, то против нас! Ату её! – закричали красно-северные, и стали сжимать кулаки.

Умеющая Считать до Бесконечности ушла, а стороны продолжили заниматься подготовкой к войне. Они отобрали наиболее пригодных для драки особей и выставили каждая свою команду для сражения. Силы были примерно равно, и бой шёл с переменным успехом, но в конечном итоге побе-

дить должен был всё же кто-то один, и в данный раз одолели бело-южные, а красно-северные дали дёру с поля в сторону своего лагеря. Там, самая активная обезьяна стала комиссарить:

– Все в бой! Это ваш долг! Наша команда нуждается в вас! Справедливость в вас нуждается! Кто не идёт в бой, тот предатель! Кто не сражается за нашу сторону, тот против равенства и справедливости! Бейте таких нещадно!

После этого все красно-северные оказались записаны в войско от мала до велика, включая старых и малых. Накинувшись всей ордой на подступающих бело-южных, силы красно-северных ценой немалых потерь всё же смогли сломать ряды противника. Повалив их на землю и как следует отпинав, они отправились добивать тех, кто остался у бело-южных в тылу. Налетев на них, они пинали их до тех пор, пока те не запросили пощады и не капитулировали. Так Демократический Красный Север одолел Белый Демократический Юг. Война закончилась, и после этого было объявлено, что настал конец рабству и угнетению, и все радовались тому, что теперь наконец будет справедливое деление.

Все стали ждать очередного раздела апельсинов, а когда он начался, то проводился под пристальным вниманием всех участников. За каждой долей, получаемой каждым десятком, внимательно наблюдали делильщики из других десятков, а за каждой долькой соседи по своему десятку. Всё было сделано с самым внимательным контролем, но после раздела

долек у все оказалось столько же, сколько и всегда. Тут появилась Умеющая Считать до Бесконечности, и сказала:

– Ну что, довольны? Получили? Так вам и надо!

И при слове «получили» все почему-то вспомнили, как у них болят побитые в недавнем бою головы, и ни о чём уже думать не хотели. Они держались за болезные, и отвечали:

– Отстань от нас, не до тебя сейчас! Давай как-нибудь потом, а сейчас нам надо отдохнуть.

Так в демократическом обществе закончилась гражданская война и желания повторять её у большинства больше не возникало. И так все поняли, что настоящая демократия должна быть построена на мире, и все решения вопросов надо искать в рамках более цивилизованных средств.

Глава 6. Как общество ходило на демонстрации

С тех пор, как в обществе Справедливости и Равенства появились неравенство и несправедливость, одни постепенно смирились со своей участью, а другие продолжали неустанно бороться с этим. Первые заявляли, что всё равно ничего не изменишь, и что лучше подумать о других делах, но вторые настаивали, что способ решения проблем должен быть, просто надо его найти. И не зная, чем себя занять, первые садились в лужу, пускали пузыри, и хлопали их руками, а вторые ходили, постоянно кому-то что-то доказывая и от кого-то чего требуя. Так демократическое общество разбилось на активных и пассивных.

Активные постоянно заявляли, что в обществе творится несправедливость и неравенство, и что просто так оставлять это нельзя. В этом им никто не препятствовал, ведь общество было демократическое, а в демократическом обществе каждый имеет право выражать своё мнение. Но только что порядки общества почему-то оказались так сложившимися, что прямые диалоги между умеющими считать до трёх и Умеющей Считать до Ста были невозможными. И потому разговаривать на политические темы простым участникам приходилось в основном друг с другом. Таким образом, со

временем среди них появилось мнение, что они недополучают своих апельсинов потому, что Умеющая Считать до Ста просто не знает об их проблемах.

Появились убеждающие, что нужно просто ей об этом сообщить, и тогда всё сразу изменится. Только вот сообщить ей всё никак не получалось – она сидела высоко, и докричаться к ней было издалека трудно, а ближе её помощники не подпускали. И тогда одна из сторонниц этой версии нашла новаторское решение вопроса обращения наверх: она написала на большом плакате надпись: «Я недополучаю свои апельсины!!!», и встала с ним в том месте, в котором её издалека было видно.

Простояв достаточно долго, но так не добившись ожидаемой реакции сверху, демонстрантка пошла восвояси, озадаченная с вопросом, что же она сделала не так.

– Ты неправильно написала текст! – сказала ей одна умеющая считать до трёх, но Считающая Себя Очень Умной обезьяна, – Надо было писать так: «Главная разделяющая, учись считать лучше!»

– И чем же это правильнее? – спросила демонстрантка.

– Ну тем, что «Я не получаю свои апельсины» не даёт понять главной разделяющей, что виновата именно она, а вот «Главная разделяющая, учись считать лучше!» сразу это объясняет! – с умным видом пояснила Считающая Себя Очень Умной обезьяна.

– Разве «Я не получаю свои апельсины» не означает то же

самое?

– Не-е-е, – с видом очень много знающей ответила та, – Совсем не то!

– С чего ты так уверена? – спросила демонстрантка.

– Да тебе любой это скажет! – ответила считающая себя очень умной, и уверенно задрала голову.

Любительница митинговать пошла спрашивать у других.

– Как написать было правильно: «Я не получаю свои апельсины!», или «Главная разделяющая, учись считать лучше!»? – спросила она у другой умеющей считать до трёх обезьяны заинтересованным тоном.

– Конечно, «Главная разделяющая, учись считать лучше!», – ответила та.

Демонстрантка заволновалась и пошла спрашивать дальше.

– Как написать было правильно? – спросила она у третьей.

– Конечно, «Главная разделяющая, учись считать лучше!», – ответила та, и тогда демонстрантка присела, схватилась руками за голову, и сидела в таком положении некоторое время.

– Вот видишь – я же тебе говорила! – сказала ей умеющая считать только до трёх, но Считающая Себя Очень Умной, – Столько обезьян не могут ошибаться!

Демонстрантка встала, согласно кивнула головой, и пошла решительными шагами править лозунг. Зачеркнув старую надпись, она написала «Главная разделяющая, учись

считать лучше!», и отправилась митинговать с новой версией. Но тут ей встретилась другая обезьяна, шедшая тоже митинговать с надписью: «Я не получаю свои апельсины!!!»

– Ты неправильно написала! – сказала новой демонстрантке старая с умным видом, – Надо вот как: – и с этим словами показала ей свой новый лозунг.

– А с чего ты решила? – изобразила недоверие та.

– Да тебе любой это скажет! – ответила эта и самодовольно задрала подбородок.

– Да тебе любой скажет, что правильно «Я не получаю свои апельсины !!!», – ответила новая.

Разгорелся спор, в результате которого участники не смогли друг друга ни в чём убедить, и потому отправили друг друга спрашивать у тех обезьян, на мнение которых они ссылались.

Получив по несколько подтверждающих ответов каждая от своих респондентов, они вернулись друг к другу и стали спорить, у кого подтверждающих больше. Но поскольку в цифрах они путались, то пытались пронять друг друга на веру, а когда и это не удалось, им ничего не оставалось, кроме как позвать своих подтверждальщиков, чтобы можно было воочию их личным присутствием удостовериться, у кого их больше.

Когда все персоны были собраны, оказалось, что посчитать всё равно ничего не получается, т.к. дальше трёх у спорящих начинались разногласия. К спорам на тему, у ко-

го больше подтверждальщиков, добавились споры, как правильно считать, и ситуация зашла в ещё больший тупик. И тогда они позвали Умеющую Считать до Бесконечности, чтобы она их посчитала.

– Ваши методы убеждения ничего не доказывают. Доказывать нужно по-другому. – дала она им свой совет.

– Ну и как же надо доказывать? – спросили обезьяны.

– Нужно привести такие доводы, которые нельзя ни опровергнуть, ни поставить под сомнение.

– И какие же это доводы?

– Расчёты, конечно.

– Это всё слишком сложно и никому не нужно! – отмахнулись обезьяны, – Зачем эти все премудрствования, когда есть верный способ – подтверждение твоих слов всеми остальными?

– Ну вот из-за таких подходов вы и сидите без апельсинов! – ответила Умеющая Считать до Бесконечности.

– Мы сидим без апельсинов из-за того, что ты не хочешь нам помочь!

– И чем же вы можете подкрепить свои утверждения? – засмеялась Умеющая Считать до Бесконечности.

– Да это тебе любой скажет! – ответила одна обезьяна, и все остальные уверенно закивали головами.

– Не убедили! – сказала Умеющая Считать до Бесконечности, – Вот видите, не работают ваши доводы...

– Не работают твои доводы! – закричали обезьяны. – По-

тому, что если бы они работали, ты бы уже давно всех убедила, а раз не можешь убедить никого, значит, твои доводы неубедительны!

Волна криков «Да! Да!» превратилась в сплошной галдёж, и не дожидаясь его окончания, Умеющая Считать до Бесконечности махнула рукой и ушла. Остальные же вернулись к своим вопросам и продолжили решать дела насущные.

Именно тогда одной самой активной обезьяне пришла в голову новаторская идея: написать лозунги «Я не получаю свои апельсины – лозунг не годится; правильный: Главная разделяющая, учись считать лучше!», и идти целой группой единомышленников с ними по всему обществу мимо всех активных и равнодушных, чтобы все сразу видели, сколько обезьян думают так. Так в обществе состоялась первая демократическая демонстрация.

Увидев ораву обезьян с лозунгами, многие активные и равнодушные захотели к ней присоединиться. Так толпа демонстрантов начинала расти, и чем больше она росла, тем больше желающих присоединиться к ней было. И так были сформированы самые настоящие демократические методы убеждения, а заодно доказано, что они работают. Единственная только проблема была в том, что пока эта толпа демонстрантов со своими лозунгами собирала себе сторонников в одной части общества, другая толпа с лозунгами «Главная разделяющая, учись считать лучше – лозунг неправильный; правильный – я не получаю свои апельсины!» работала

в другой. И когда демонстрации встретились, оказалось, что в рядах обоих столько участников, что посчитать им свой электорат, а тем более без разногласий, не хотелось даже и пытаться. Поэтому толпы разошлись, и стали думать, что им в такой ситуации делать.

Именно тогда одной очень активной обезьяне пришла в голову новаторская идея: подождать, когда толпа противников разбредётся, и тогда сделать променад по местам их обитания всей своей толпой с лозунгами в руках у каждой «Ваши лозунги неправильны – правильны наши!».

Манёвр дал свой результат: некоторые самые нерешительные из лагеря противников, неожиданно обнаружив перед собой целую толпу обезьян с чужими лозунгами, и не видя вокруг себя достаточного количества поддерживающих среди своих, начали примыкать к рядам митингующим. Так первая фракция получила некоторый перевес, и развивая стратегический успех, снова прошла по рядам противников второй, а потом и третий круг, и с каждым заходом набирала себе всё больше новых участников. В конечном итоге они получили такое превосходство, что стало воочию видно уже невооружённым глазом их перевес. Так в рядах второй остались только самые упёртые, которые спешно стали придумывать, что им делать, чтобы переломить ситуацию.

Тут одной активной обезьяне пришла в голову новаторская идея: пройти по рядам пассивных, и убедить их вступить в ряды активных. Пройдя с плакатами «Только дурак

может думать, что ничего изменить нельзя!», они стали набирать новых участников. Когда они прошли несколько кругов, то набрали такое пополнение, что стало воочию невооружённым глазом стало видно их превосходство. А потом уже проверенными методами стали переманивать противников на свою сторону. Так постепенно наметился отток убежденных из противоположной фракции, и вскоре в рядах их противников остались одни лишь самые упёртые участники.

Выяснив при помощи демократии, какая надпись является правильной, они сначала прошли с ним победоносным маршем круг по ареалу общества с лозунгами «Бороться за свои права надо не силой, а лозунгами!», «Демократические методы работают!», и «Столько обезьян не могут ошибаться!», а потом достали правильный лозунг, и пошли абсолютным большинством митинговать перед Умеющей Считать до Ста. Однако, простояв там до вечера, они так и не получили от неё ожидаемой реакции, и озадаченные вопросом, что же они не учли в этот раз, возвращались обратно. Тут им снова встретилась Умеющая Считать до Бесконечности.

– Ну что, убедились теперь, что ваши методы не работают? – спросила она.

– Наши методы не могут не работать, так как мы убедились в этом уже неоднократно лично это проверяли! Ошибки быть не может, так что дело всего лишь в том, что мы ещё не нашли правильную надпись.

– Правильная надпись тут может быть только одна: «Де-

монстранты, учитесь считать, потому, что из-за вас я недополучаю свои апельсины!».

– Иди ты куда подальше! – закричали демонстранты, – пока не покажешь, что твои методы убеждения работают, мы тебя вообще слушать не хотим!

Умеющая Считать до Бесконечности попыталась что-то ответить, но была заглушена галдежом, после чего вся толпа демонстрантов отправилась спорить между собой о том, какую надпись написать в следующий раз.

Так в обществе Справедливости Равенства появилась традиция регулярно проводить демонстрации с выражением позиции участников, и это средство стало основным демократическим методом решения самых важных демократических вопросов для большинства участников общества. Потому, что, как было выяснено ими, это средство работает, а в демократическом обществе абсолютное большинство ошибаться не может.

Глава 7. Как обществе появилась оппозиция

Однажды, одна из уполномоченных разделять десяток заявила: «Сначала мне мои пятьдесят апельсинов на мой десяток, а потом, делите, как хотите!» Красноречиво изложив эту программу своему десятку, она быстро заручилась его полной поддержкой. Так же ещё с ней, в принципе, была согласна её коллега из соседнего десятка, но только с одной небольшой оговоркой: первые пятьдесят должны были достаться её десятку, а вторые уже, конечно же, десятку партнёра. Ещё к ним примкнула третья коллега, и тоже с небольшими уточнениями, но в целом, в рамках общей программы.

Поскольку лидеры были согласны в главном, но расходились в деталях, программа требовала уточнения по выведению консенсуса. В связи с чем было назначено специальное совещание, на котором решено было проработать все вопросы. Что же касалось простых умеющих считать только до трёх обезьян, то им вообще было всё равно, что и как должно быть в цифрах, а главное, чтобы им начали выдавать, наконец, полагающиеся по закону пять апельсинов. За это они готовы были оказать поддержку любому, кто им это пообещает.

На вопрос Умеющей Считать до Бесконечности, чем это

отличается от предыдущих движений, ответ был прост и убедителен (по крайней мере, для абсолютного большинства):

– Раньше ничего не получалось, потому, что вопрос решали умеющие считать только до трёх обезьяны, а теперь за дело берутся умеющие считать до десяти. Такая сила теперь точно не может ошибаться!

После очень долгих и жарких дебатов по формированию единой позиции, наконец, была достигнута договорённость в рамках общей программы, сформулированная в девизе: «Когда начинают делить не с нас, это неправильно!». Так что сначала было решено добиться того, чтобы деление начиналось с участников движения, а потом уже утрясти всё остальное. С такого лозунга и началось новое движение, которое в последствии получило название «Оппозиция».

Сначала Оппозицию поддерживали только обезьяны из десятков его основателей. Но потом к ним стали присоединяться ещё и другие, и таким образом Оппозиция начала расти, пока наконец не переросла в самое настоящее большинство.

Умеющая Считать до Ста отнеслась к Оппозиции на удивление спокойно. Она сказала, что общество у них демократическое, а в свободном демократическом обществе всегда может быть Оппозиция, ибо каждый имеет право на своё мнение. Главное только, чтобы все было по Закону. И если оппозиционеры предоставят лучшую программу деления, чем есть, то её долг, как сознательного руководителя, предоста-

вить им соответствующие полномочия.

Поскольку ни одно нормальное политическое движение просто так не движется, то лидеры Оппозиции стали собирать средства на борьбу. Средствами, естественно, были апельсиновые дольки, потому, что скидываться целыми апельсинами простые участники не могли, а умеющие считать до десяти должны были не скидываться, а работать. И в рамках работы они отправили своих помощников агитировать всех вступать в Оппозицию.

– Почему ты не хочешь скидываться на борьбу? – спросили её активисты от Оппозиции Умеющую Считать до Бесконечности, – Ты же всегда была против обмана? Вот мы собираемся с ним бороться, тогда почему же ты к нам не присоединяешься?

– Потому, что я никогда не имею дел с теми, кто не учится ни считать, ни жизни.

– Значит, пока мы не начнём учиться считать, ты нас не поддержишь?

– А какой смысл?

Активисты ушли, однако через некоторое время вернулись, и сказали:

– Хорошо, мы согласны включить твоё условие в общую программу действий – теперь у тебя остались ещё какие-то причины нас не поддерживать?

С этими словами активисты достали список своей программы и демонстративно стали записывать в него пункт

«Научиться считать».

– Ну, получается, что никаких, вроде, – пожала плечами Умеющей Считать до Бесконечности, после чего ей пришлось внести своё пожертвование, чтобы не прослыть безответственной, но после этого она добавила:

– А теперь, коли вы уж внесли такой пункт, давайте приступим...

– Потом, потом, всему своё время – сначала пожертвования, иначе всё вообще встанет! – махнули рукой активисты, и побежали дальше собирать средства на борьбу.

Когда же пожертвования со всех желающих присоединиться к движению были собраны, активисты отнесли их к лидерам, а спустя некоторое время другие активисты были отправлены собирать по новому кругу. Когда очередь опять дошла до Умеющей Считать до Бесконечности, она спросила:

– Так что там у нас с пунктом обучения считать?

– Не знаем, – ответили активисты – А что за пункт такой?

– Ну мы же заключили с вашим движением соглашение.

Где же ваша ответственность?

– Не знаем... – ответили новые активисты, – надо у начальства спрашивать – оно за всё отвечает.

– Ну так идите и спрашивайте.

– А может, сначала пожертвования, а потом мы на у них спросим?

– Нет уж, сначала ваши обязательства, а потом новые по-

жертвования.

– Ладно, – сказали активисты, – мы это обязательно решим, но позже, а сейчас нам очень важно собрать как можно больше средств!

С этими словами активисты побежали собирать дальше, а потом вдруг все участники Оппозиции пришли к Умеющей Считать до Бесконечности, и сказали:

– Вот они мы. Вот видишь – мы пришли выполнять свои обязательства. А ты нам не верила!

– Очень хорошо, – ободрилась Умеющая Считать до Бесконечности, – Давайте же приступим...

– Подожди! – закричали они, – сначала пожертвования!

– Ладно, – согласилась она, и внесла ещё одно пожертвование.

После чего Умеющая Считать до Бесконечности набрала в грудь воздуха, чтобы начать говорить. Тут одна из обезьян подняла вверх указательный палец и сказала: «Я на секунду – начинайте пока без меня» и куда-то отошла. За ней вторая сказала: «Я сейчас не могу, вы без меня послушайте, а потом обязательно расскажите, что было!», и тоже удалилась. За ней третья заявила «А я вспомнила: у меня срочные дела – я тоже не могу никак!». Вслед за ними последовало сразу ещё несколько, а потом вся остальная толпа, посмотрев на них, как по команде, сказала хором, что им тоже надо отойти по делу, и ринулась за ними следом.

У каждой обезьяны оказались какие-то срочные дела, ко-

которые никак не могли подождать ради такого дела, как обучение счёту. Причём дела были настолько важными, что, погрузившись в них, никто так и не смог вернуться, и лекцию читать оказалось не для кого. Однако это не означало, что борьба за правое дело на этом закончилась, ибо все те важные дела были не чем иным, как продолжением той самой борьбы, и невыполнение списка было всего лишь по одному пункту, касающегося условия Умеющей Считать до Бесконечности; все же остальные пункты были по-прежнему в деле и выполнялись согласно программе.

О продолжении борьбы явственно говорил тот факт, что через некоторое время вернулись новые активисты, и попросили новые жертвования. На этот раз Умеющая Считать до Бесконечности горько усмехнулась:

– А что там с обучением счёту?

– Не знаем, – ответили активисты – А что за обучение такое?

– Ну вот когда будете знать, тогда и приходите.

– Не хочешь – не надо, и без тебя добьёмся правды! – ответили ей активисты и пошли дальше.

Когда было собрано всё, что можно было собрать со всех не жалеющих средств на борьбу, лидеры Оппозиции вместе со всем электоратом и пошли предстали перед Умеющей Считать до Ста.

– Давай вноси поправки в Закон! – потребовали они.

– Какие именно поправки надо внести? – спросила та с

очень серьёзным выражением лица.

– Поправки, что начинать делить надо с нас!

– А с кого конкретно из вас надо начинать?

– Ну это мы потом разберёмся, а сейчас давай вноси это!

– Нет, извините, пока вы этого не уточните, я ничего вносить не буду! Я присягала соблюдать Закон, а Закон защищает права участников Общества, которые окажутся под угрозой, если не будет чёткого порядка действий! Поэтому сначала все уточнения, а потом поправки!

Оппозиционеры стали предлагать различные законопроекты, где каждый предлагающий хотел начинать делить с себя. Однако каждая программа встречала возражение среди соратников:

– Предлагаемый вами закон незаконный, потому, что, начиная делить с вас, мы недополучим апельсинов! Так что ваш законопроект ничем не лучше того, что действует сейчас. Поэтому начинать делить не с вас, а с нас!

Но в ответ на это сразу же звучало:

– А если начинать делить с вас, то апельсинов недополучим мы. А раз мы недополучим, значит, ваш закон незаконный. А раз ваш закон незаконный, значит, законный – наш!

Поскольку задачу никак не удавалось решить, дебаты продолжались. А поскольку задача была очень ответственная, разбирательства решили продолжать до тех пор, пока не выяснят всё до конца. Но поскольку нескончаемое выяснение становилось для многих неинтересным, дальнейший поток

поступающих пожертвований оказался под угрозой иссечения. А поскольку, как известно, без финансирования никакая демократическая борьба вестись не может, то, чтобы спасти дело, для решения проблемы приходилось работать в усиленном режиме.

В усиленном режиме, для ускорения решения вопроса приводимые доводы приходилось подкреплять словами, которые должны были помочь оппонентам быстрее соображать. Слова подбирались самые веские и крепкие, которыми можно было только наградить оппонентов, своей неграмотностью и заботой о сиюминутной политической выгоде саботирующих борьбу за правое дело. И поскольку такой формат дискуссии оказался для слуха простых участников Общества гораздо привычнее (а самое главное, гораздо понятнее), интерес к мероприятию снова стал возрастать.

Чем креативнее лидеры Оппозиции награждали друг друга эпитетами, тем больше интереса к действию проявляли остальные участники. Однако, как бы не был велик и могуч демократический язык, все выразительные слова рано или поздно оказались использованы во всех комбинациях, и через некоторое время и этот режим разбирательства стал простым обезьянам наскучивать.

Спасение дела требовало ещё более решительных действий, и лидеры Оппозиции нашли новые методы. Таковыми оказались физические меры воздействия на оппонентов, которые пошли в ход после того, как все словесные аргумен-

ты закончились. И чем эффективнее лейбористы отвешивали друг другу оплеухи, тем больший поток пожертвований шёл на мероприятие.

Лицемерные действие соперничали процессу всей душой и украшали его своими комментариями.

– Давай, давай! – кричали они, – так её! Ещё, А-а-атлично! От-так ей, от-так! Пинка ей теперь, правильно, а теперь мордой ей в грязь. От-так, пусть покушает!

В этот момент мимо проходила Умеющая Считать до Бесконечности.

– Вот видишь, а ты жалела потраченных корок! – сказали ей радостные обезьяны.

– Вы, кажется, что-то собирались уточнить Умеющей Считать до Ста, – заметила она.

– Да, кстати, – вспомнили они, и повернувшись к дерущимся, проорали – Не забудьте ещё и про уточнения для Умеющей Считать до Ста!

Лейбористы встали, отряхнулись, и, поправив галстуки, вернулись к дебатам. Диалог очень быстро перешёл на повышенные тона, а затем и в ругань. Когда же ругань сменилась на драку, зазвучали комментарии «Давай, давай!».

Так Оппозиция сумела получить оглушительный успех вопреки всем пессимистичным прогнозам Умеющей Считать до Бесконечности, и стала неотъемлемой частью демократической культуры общества. Успех мероприятия был столь сильным, что к нему стали возвращаться снова и снова,

отдохнувши и собравшись с силами для новой борьбы. В таком режиме разбирательства продолжаются до сих пор, периодически затихая и снова разгораясь, в меру того, насколько серьёзно идёт финансирование. Ибо без нормального финансирования ни одна серьёзная борьба в политике не возможна, а возможны только кухонные разбирательства простых обезьян, не умеющих считать далее, чем до трёх, которые всё же готовы бесплатно на одном лишь чистом энтузиазме друг другу доказывать, что оппонентам надо перестать поддерживать своего лидера и начать поддерживать ихнего. И в таком режиме преданные своему делу обезьяны продолжают разбирать, чей законопроект незаконный.

Глава 8. Как в обществе формировался демократический язык

По мере того, как в обществе окончательно устоялось разделение на классы, имеющее разное отношение к распределению апельсинов, в нём как-то сами собой появились слова, эти классы обозначающие. Умеющие считать до трёх обезьяны назывались барамуками, до тридцати – разделюками, а Умеющая Считать до Ста называлась просто: Верховная.

Верховная получила своё название потому, что придумала его сама, и спорить с ней по этому вопросу никто почему-то не стал. Что касается разделюков, то такое название придумали они себе не сами, а были названы так Верховной за то, что, как она сказала, разделяют с ней ответственность за делёж апельсинов, а с барамуками беззаботность жизни простых участников Общества. Впрочем, барамуки значение этого слова поняли по-своему: разделюки те потому, что разделяют между ними апельсины, чтобы было для них гораздо важнее, чем разделение каких-то тягот. Что касается барамуков, то так их называли и разделюки и Верховная сразу, причём совершенно не сговариваясь между собой, и в унисон стали их так называть, никак не объясняя, почему они решили использовать именно это слово.

Единственная, кто попыталась дать объяснение названию «барамуки», была Умеющая Считать до Бесконечности, которая барамукам объяснила так:

– Барамуки вы потому, что весь ваш язык – это сначала «бе», а потом «му»!

На лицах барамуков возникла знакомая гримаса, с которой они обычно говорили «бе-бе-бе!», но тут же почему-то исчезла, и на смену ей стали проступать черты другой, с которой они говорили «му...», но и этого звука не последовало, а возникла небольшая заминка, по завершению которой был дан ответ обычными словами:

– ...не ты это слово придумала, и не тебе его и трактовать! – выпалили барамуки раздражённым тоном и в тот день больше с ней не разговаривали.

С тех пор обиженные на Умеющую Считать до Бесконечности барамуки стали называть её «умеющей считать» не иначе, как в кавычках, подразумевая противоположный смысл, а сама она себя называть своим именем в прежнем смысле. Так в обществе Справедливости и Равенства возникли новые слова, которые легли в основу его демократического языка.

Поскольку в жизни общества у каждого класса обрисовался свой круг интересов, у каждой обезьяны в связи с этим появилась потребность иметь общение в кругу себе подобных. В этом общении предпочтение отдавалось только тем вопросам, которые волновали данный класс, и взаимопонимание

было важно иметь в первую очередь с себе подобными.

Основной темой круга барамуков было обсуждение проблем, в результате которых они недополучали то, что им полагалось по Закону. У разделюков же, помимо аналогичной проблемы, была ещё и другая: как обсуждать те вещи, о которых барамукам лучше было не знать. Какие-то проблемы, предположительно, были и у Верховной, если бы ей было с кем общаться, но поскольку единственным представителем своего класса была она сама, общаться по определённым вопросам ей было не с кем, и о своих проблемах она никому не говорила. Так сформировались отдельные языки, на каждом из которых каждый контингент общался сам с собой.

Каждый язык отличался обозначением тех вещей, которые соответствующему ему классу было необходимо знать. В каждом появились свои названия приёмов, которые данный контингент использует в борьбе за свои демократические права. Свои названия ситуаций, которые у них при этом возникают, свои слова, понятно для своего круга выражающие отношение к вещам, присущие им в связи с их взглядами на жизнь, а также свои понятия, определяющие, кто есть кто в рамках их понимания дела.

Языки соотносились между собой по принципу обратной совместимости: т.е., язык среднего контингента более низшему контингенту абсолютно непонятен, а высшему, в принципе, понятен, но неудобен, т.к. им высший контингент почти никогда не пользовался. Например, в языке разделюков

было слово «забарамука́ть», которое произносилось всегда таким пренебрежительным тоном, что видимо, подразумевало какое-то презрение в отношении связанного с этим словом класса. Барамукам же это было абсолютно непонятно, и они не знали, что оно конкретно означает. И они бы не обращали на это особого внимания (т.к. в демократическом обществе все имели обыкновение не интересоваться тем, что им непонятно), но их напрягал пренебрежительный тон, с которым оно произносилось. И они чувствовали в этом что-то неладное, но что именно, объяснить не могли, и они бы хотели объяснить это случайностью, и забыть бы про это, как неинтересную мелочь, но это слово регулярно повторялось именно таким тоном, постоянно напоминая о том, что это закономерность.

Барамуки знали слово «барамука», но не видели в этом ничего предосудительного, и потому им было непонятно, почему они должны стыдиться того, что они барамуки. Наоборот, им даже нравилось, когда их называли барамуками, потому, что это говорило о том, что они полноправные члены демократического Общества.

«Назови меня барамукой!» – говорили участники правового общества с гордостью, а потому им был абсолютно непонятен тон, смысл которого был полной этому противоположностью. Но самое интересное, что примерно таким же тоном Умеющая Считать до Бесконечности говорила иногда фразу со словами «заразделюкать» непременно в присутствии раз-

делюков, и последние демонстрировали в отношении этого примерно такое же непонимание.

Какие были слова у Верховной, неизвестно, т.к., если она их и произносила, то только мысленно, а мысли свои в слух никому не высказывала.

Односторонняя совместимость языков иногда влекла за собой проблемы взаимопонимания при общении между классами. Например, когда какая-то разделюка говорила барамуке: «Да кто ты такая?!», то ожидала услышать в ответ смиренное «Никто... Затыкаюсь и исчезаю!», а вместо этого было гордое «Я – барамука! Я полноправный член свободного правового Общества! А ты всего лишь уполномоченное соблюдать мои права лицо! А если ты думаешь, что твои злоупотребления сойдут тебе с рук, то ты ошибаешься!», и далее её несло: «...да ты всего лишь жалкий паразит, который не понимает, что его произвол всего лишь до поры – до времени терпят! Да, когда надо будет, мы тебя на место живо поставим! Потому, что у нас перед Законом все равны!», и так далее в лучших традициях демократической речи, шло барамучье качание прав.

Аналогичная проблема наблюдалась иногда и у разделюк с Верховной. И тогда представителю более высшего класса ничего не оставалось, кроме как заканчивать разговор, и потом уже на языке апельсинов объяснять оппоненту, кто он такой, и какие у него права.

Поскольку разница между самыми высшими и низшими

была столь велика, что взаимонепонимание было практически неизбежным, разделюки обычно сидели достаточно высоко и далеко над барамуками, чтобы тем было удобно до них докричаться. Аналогичную позицию выдерживала и Верховная в отношении разделюк. И благодаря именно этому прямые диалоги между ними были просто невозможны, а утверждения высших передавались до низших по цепочке вниз, а низших до высших точно так же вверх (при условии, что высший найдёт время слушать низшего и сочтёт это достойным передачи). Если же Верховной важно было что-то сказать сразу всем, она могла непосредственно сама спуститься к ним и во всеуслышание это объявить, а все вопросы по поводу её высказывания ей уже передавать нужно было по установленной цепочке.

Если кому-то было что-то непонятно, то на языке апельсинов ему всё самым доходчивым образом задним числом потом автоматически разжёвывалось. И потому нижестоящим оставалось говорить с высшими лишь в режиме монолога, довольствуясь разговорами между собой о том, что они думают по поводу неспособности высших правильно поделить апельсины. И когда все придумывали свои языки, Верховная придумала свой. Но поскольку других представителей её класса в Обществе не было, она придумала язык для общения с другим классами, причём сразу со всеми. А потому язык её был для всех понятен и интересен. Особенность же его было то, что своих слов в нём не было, а сказать для всех

она могла на нём всё, что ей надо сказать, но при этом услышать каждый мог лишь то, что ему предназначалось услышать. А дело было так.

Однажды одна очень оппозиционно настроенная разделюка сказала во всеуслышание:

– Я не знаю, что у вас там в целом получается, но по Закону нам каждому полагается по пять апельсинов и точка. Так что давайте нам на мой десяток десять раз по пять реальных апельсинов!

Верховная же во всеуслышание ответила:

– Вот видите, она не знает, а лезет спорить. А меж тем все знают, что чем больше достанется одним, тем меньше достанется другим. И разве кто-то видит, чтобы одному десятку доставалось больше, чем другому? А если нет, то тогда почему мы должны урезать одних, чтобы добавить другим?

И тогда другая разделюка толкнула её под руку и сказала ей в полголоса:

– Да кто ты такая, чтобы отхапать больше, чем тебе хватает твоего ума? Сиди и довольствуйся тем, что имеешь, пока и это не отняли!

Барамуки же загалдели:

– Смотрите, вот явный пример того, когда кто-то пошёл против нашего справедливого Закона, и пытается всех обделить! Правильно, что ей не позволяют нарушать наш Закон! И хорошо, что у нас есть Верховная, которая ставит выскочку на место!

Таким образом, язык Верховной стал языком всего Общества, а её голос – его голосом. И на этом языке всегда в открытую звучали самые мудрые мысли его лидеров, ибо правовое Общество было демократическим, а властям демократического общества скрывать от народа было нечего. Так язык, на котором звучали самые важные мысли общества Справедливости и Равенства, стал полноценным демократическим языком.

Глава 9. Как в обществе началось обучение

Однажды Верховной надоело, что Умеющая Считать до Бесконечности постоянно попрекает участников общества в неграмотности, и она решила с этим покончить. Теперь члены настоящего демократического правового Общества должны быть не только полноправными и свободными, но и грамотными. Так была учреждена система обязательного обучения.

Поскольку по Закону никто не мог быть принудительно заставлен учиться считать, обучение арифметике в программу обязательного обучения не входило – оно входило в курс дополнительного обучения, которое каждый мог пройти по желанию. Ибо перед Законом все были равны, и нарушать его не имел права никто, даже сама Верховная, и даже ради такой великой цели, как обучение. В обязательную же часть входило изучение в первую очередь демократического языка, несущего в себе понятия, составляющие, по словам Верховной, основу политической грамотности свободного участника правового Общества.

Основными понятиями демократического языка были следующие: «Демократия – общественный строй, при котором правильно то, что решает большинство», «Справедли-

вость – это право участника Общества на получение стольких апельсинов, сколько он заслуживает, в соответствии с Равенством и Законом», «Равенство – это положение, при котором никто не имеет право поставить себя выше других, и заявить, что у него больше прав что-то решать», «Закон – правила деления апельсинов, без которых никому ничего не достанется», «Свобода – возможность для обезьяны самой определяться, нужно ли ей учиться таким вещам, как счёт», «Право – возможность что-либо иметь, существующая исключительно благодаря Закону», «Правовое Общество – это Общество с демократическими правами и свободами», «Тирания – противоправный режим, при котором одна обезьяна бьёт остальных и присваивает себе все апельсины, не оставляя им ни дольки, который начинается с того, что она ставит себя выше других, и заявляет, что они не имеют права принимать закон только потому, что они не умеют считать», и «Грамотность – знание основных понятий демократического языка».

Помимо основных понятий, в изучение демократического языка входило изучение так же понятий, называемых техническими. Ими были «Перводел», «Втородел» и «Третьедел». Перводелом назывался акт, когда Умеющая Считать до Ста получала изначальные сто апельсинов и брала свою долю. Второделом назывался акт разделения ею оставшегося на части между Умеющими Считать до Десяти и отделением ими своих долей. Третьеделом назывался акт разделения

каждой Умеющей Считать до Десяти всего оставшегося между остальными.

Третьедел назывался самым главным и составляющим основную суть демократии, потому, что в нём участвовало больше всего членов общества. Но поскольку без Втородела его не могло быть, то объяснялось, что Третьедел, хоть и самый главный, но Втородел первее. То же объяснялось и относительно Перводела ко Второделу. Поэтому Перводел получался самый первый, Втородел самый второй, а Третьедел самый третий – всё просто и понятно без обучения счёту дальше трёх.

Поскольку демократический порядок в обществе Справедливости и Равенства начинался с Перводела, то без него никакой справедливости и равенства быть не могло. Из чего получалось, что препятствование Перводелу являлось так же препятствованием справедливости и равенству.

Согласие со всем объясняемым в рамках обучения и уяснение этого всего называлось словом «понимание». А наука приведения себя к этому согласию называлась пониматикой. Называлась она так потому, что, как говорила Верховная, все эти вещи очень важно было именно понимать.

Пониматика учила, что самым правильным делением ста апельсинов на сто обезьян является вариант, где каждому участнику полагается по пять. Потому, что если даже при заложенных пяти штуках каждому достаётся маленький кусочек дольки, то чтобы тогда от них оставалось, если бы было

заложено только четыре или вообще три? И когда обучающихся спрашивали, что, по их мнению, получится, если каждому будет по два или по одному, как предлагает Умеющая Считать до Бесконечности, то они даже и не могли представить, что это за маленькие кусочки должны быть, а потому хором отвечали «Всё понятно!»

Касаемо иных мнений по данному вопросу пониматика учила, что в истории Общества было очень много попыток что-либо изменить, и все они заканчивались только растоптанными апельсинами. И ни одно из них не смогло принести никакого улучшения, несмотря на все обещания и уверения их организаторов. Так что, если кому-то нравится строить свои фантазии, то они могут сочинять их где угодно, только вне серьёзного изучения пониматики. Пониматика же – наука серьёзная, которая имеет дело исключительно с фактами.

Из фактов, изучаемых пониматикой, следовало, что существующее Общество – самое справедливое из всех возможных, потому, что никто не может привести пример более справедливого. И если захочет это положение опровергнуть, то он должен привести такой пример, а поскольку никто этого не мог, все опять хором озвучивали своё понимание.

Что касается того, куда же деваются остальные апельсины, то пониматика учила, что это происходит потому, что в обществе существует воровство и мошенничество, с которым никак не удаётся справиться. Ибо до сих пор ещё наука не имеет точного ответа, что они собой представляют, и куда

всё может деваться. И в этом ничего странного нет, потому, что в мире есть ещё очень много вещей, на которые она пока не имеет чёткого ответа. Однако, если над этим вопросом очень усердно работать, то, наверняка, ответы на них будут найдены. И возможно, именно кому-то из ныне обучающихся как раз и удастся оказаться тем, кто сможет дать ответ на этот вопрос. Но чтобы это могло состояться, нужно очень хорошо учиться, и усердно набираться всех необходимых знаний. А чтобы получить все необходимые знания, нужно хорошо учить пониматику.

По завершению курса пониматики обучаемых заставляли писать сочинения с использованием всех её понятий в поучительной истории, в которой всё должно заканчиваться хорошо, если обезьяны им следовали, и плохо, если не следовали. Самые убедительные сочинения премировались дольками, а самое лучшее – целым апельсином, поэтому над сочинениями обучающиеся сопели, кто во что горазд.

Победителем конкурса стала барамука, написавшая самое длинное сочинение, в котором было столько страниц, что она даже сама посчитать их не сумела.

Когда не надо было ничего считать, всё понималось очень легко и просто. И в целом учащиеся показали достаточно высокий уровень успеваемости, что опровергло заявления Умеющей Считать до Бесконечности, вечно жалующейся на то, что с желанием учиться в обществе проблема. А получив аттестацию, барамуки были в праве считаться умными и

знающими всё, что нужно сознательному члену демократического общества.

Аттестацию получили все, даже самые отсталые, кроме Умеющей Считать до Бесконечности, потому, что она сразу махнула рукой и сказала, что на такое обучение она ходить не будет. А когда состоялся первый выпуск, барамуки всей гурьбой побежали перед ней хвастаться.

– Больше ты не имеешь права нас попрекать, потому, что мы знаем всё, что нужно, и там не было ни слова о том, что мы в чём-то перед тобой виноваты! – заявили они.

– И чем же ваши обучающие вам гарантировали, что обучили всему, что нужно? – ответила она.

– А что ещё должно быть нужно??? – удивились барамуки.

– Умение правильно считать.

– Нам не нужно учиться считать, потому, что пониматика учит, что это не обязательно. Только тебе этого не понять, потому, что ты не учила пониматику!

– Тогда предоставьте доказательства, что ваша пониматика учит всему, что нужно.

– А чему она ещё не научила нас из того, что нужно? – удивились барамуки.

– Ну тогда ответьте мне: как называется вид агрессии, когда неразумное большинство позволяет себя одурачить хитрому меньшинству, и, идя у него на поводу, силой навязывает его волю тем, кому не имеет права её навязывать, на основании только того, что не считает себя обязанным разбирать

его претензии?

– Не знаем, – ответили барамуки, – А зачем нужно такое понятие?

– Чтобы было как вас называть! – ответила Умеющая Считать до Бесконечности.

– А при чём тут это и мы??? – удивились барамуки.

– Разве не вы силой навязали мне свой демократический закон и не захотели меня слушать, когда я требовала уважения к своим правам?

– Ты ставила свои права выше наших, а это неправильно, и тебе любой это скажет!

– Я ставила свои права ровно во столько, во сколько они должны быть, а если вы считаете, что это неправильно только потому, что вы так считаете, приводите доказательство, что большинство не может ошибаться!

– Да что нам тебя слушать, что ты можешь понимать? – закричали барамуки, – Вот ты, например, знаешь, что значит Перводел?

– Нет, – ответила она, – А это что-то доказывает?

– А ты знаешь, что значит Втородел? – спросили они вместо ответа.

– Нет, – ответила она, – А это что-то доказывает?

– А ты знаешь, что значит Третьедел? – спросили барамуки с победоносным видом.

– Нет, – ответила она, – А это что-то доказывает?

– Всё с тобой ясно! – закричали барамуки, – Ничего не

знаешь, а ещё лезешь спорить! Ничего твоё умничанье не стоит, и всерьёз мы его воспринимать теперь точно не обязаны!

Умеющая Считать до Бесконечности начала что-то отвечать, но была перебита галдежом претензий и поучений, а Самая Озорная обезьяна подскочила к ней, заткнула себе уши пальцами и сказала «бе-бе-бе!».

После этого барамуки ушли, довольные собой и гордые победой, а также счастливые тем, что общество научило их побеждать, не заставляя изучать нудные и противные дисциплины. Так знание пониматики стало защищать права барамуков от опасности тирании.

Глава 10. Как в обществе продолжилось обучение

После завершения обязательного обучения его можно было добровольно продолжить, поступив на курс дополнительного обучения, где учили считать до тридцати. А после этого на следующий курс, где уже учили считать и дальше. И на каждом курсе шло ещё более углублённое изучение пониматики. Называлось это обучение продолженным.

Поступить на курс продолженного обучения можно было лишь после успешной аттестации в начальном обучении. А дальше после аттестации того курса. При этом всегда главной считалась оценка по пониматике, в результате чего обезьяны с плохой оценкой по этому предмету к продолжению обучения счёту не допускались. Ибо, как повторяла Верховная, знание – сила, а давать силу политически неграмотным обезьянам опасно для Общества.

Поскольку основной задачей продолженного обучения была подготовка учащихся на ответственные должности, а количество этих должностей было ограниченным, то и количество мест обучаемых оказывалось, соответственно, ограниченным тоже. И брали на них, естественно, на конкурсной основе. Приоритет отдавался, конечно же, тем, кто лучше всех сдавал пониматику. А если какая-то часть обучаемых

мых не справлялась с программой, то она отсеивалась, а на их места добирали новых. Таким образом, соблюдался Закон правового общества, где, с одной стороны, никого учиться силой не заставляли, а с другой, в обучении никому не отказывалось, ибо право поступать на курсы имели все равное.

Те, кто успешно сдавали второй курс, могли быть выдвинуты на должность разделюк, а после третьего можно было претендовать на должность Верховной. Но поскольку такая была всегда одна, а желающих очень много, отбор здесь был самый строгий.

Чтобы переходить с курса на курс, нужно было каждый раз проходить соответствующий экзамен.

Всё обучение проходило группами по несколько обезьян под чутким руководством специального преподавателя, называемого объяснителем, который прошёл специальное обучение, чтобы обучать других. Для каждого курса были свои объяснители, и каждый имел соответствующую его уровню квалификацию.

Объяснители на начальное обучение назначались с одобрения объяснителей продолженного, а последние с одобрения следующего. Самые ответственные объяснители назначались с одобрения Верховной. Должность объяснителей была очень ответственной и престижной, и все они получали очень хорошую зарплату в виде апельсинов и долек, каждая соответственно своему уровню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.